

«Российское телевидение к бедам народа бесчувственно...»
Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

«ЧЕЧЕНСКИЕ БАНДИТЫ СМЕЮТСЯ НАД НАШИМ СУДОМ, ПОТОМУ ЧТО ЗНАЮТ, ЧТО СМЕРТНОЙ КАЗНИ НЕ БУДЕТ...»

Александр Солженицын изменяет абстрактному гуманизму во имя борьбы с терроризмом

Александр Щуплов

ТУСОВОЧНОСТЬ премиальных ареалов прочно огородила политико-демаркационными линиями самые известные литературные премии России. «Триумф», Букер, «Знамя», «Аполлон Григорьев» никогда не присуждаются писателям и деятелям культуры левопатриотической ориентации. Тщетно искать на торжественных церемониях этих премий лица Юрия Бондарева и Валентина Распутина, Юрия Кузнецова и Василия Белова. Иначе обстоят дела с Антибукером «НГ» (однажды автору этих заметок довелось увидеть дружеские объятия антагонистов-критиков — зам. главного редактора «Знамени» Натальи Ивановой и зам. главного редактора газеты «Завтра» Владимира Бондаренко). В том же векторном направлении расположилась и книжная премия Александра Солженицына. Премия эта подвижническая и выдается из личных средств экс-вермонтского отшельника, ныне превратившегося в московского молчаливника...

На нынешней церемонии в Доме Русского Зарубежья из легиона власть предержащих можно было увидеть только замминистра культуры Наталью Дементьеву. Напомним, что в прошлый год

церемонии не погнушался посетить мэр столицы (о том, что министр культуры традиционно игнорирует церемонии присуждения премии единственного на сегодня российского литературного нобелевца, — лучше и не упоминать: нос г-на Швыдкого всегда отличался дальновидностью — да и в конце концов премия Солженицына — не «Ника» Юлия Гусмана и ее доморожденных кинонебожителей в напрокатных смокингах!)

Лауреатами Солженицынской премии на этот раз стали покойный писатель Константин Воробьев и проживающий в Курске Евгений Носов. Формулировка гласила: «Двум писателям, чьи произведения в полновесной правде явили трагическое начало Великой Отечественной войны, ее ход, ее последствия для русской деревни и позднюю горечь пренебреженных ветеранов». Отдавая должное самым ярким представителям российской изящной словесности второй половины атомного и бунтарского века, Александр Солженицын (а ни для кого не секрет, что последнее слово в решении жюри принадлежит ему) вызвал, как это ни горько звучит, два имени великодушных русских писателей, по традиционному небрежению нашему оказавшихся в нынешнем читательском забвении...

Свою традиционную речь Александр Солженицын посвя-

тил книгам лауреатов. Затем выступили сын и дочь Константина Воробьева, на редкость умно и основательно проанализировавшие творчество отца. Евгений Носов сделал то, что ждали от Александра Исаевича: в своей речи высказался по вопросам текущей политики и с искренней непосредственностью одобрил расстрел Белого дома в 1993 году. Казалось бы, церемония завершится выступлениями Игоря Золотусского и Константина Ваншенкина, однако Александр Солженицын оказался — таки верным себе и по окончании оправдал журналистские ожидания — ответил на несколько вопросов:

— Александр Исаевич, что вам кажется в писателе главное — литературный дар или дар биографии?

— Конечно, литературный дар. Но биография обогащает его. Она дает ему такую пищу, которую один литературный дар мог бы не разыскать. Конечно, дар впереди.

— О ваших сегодняшних призраках можно сказать «негромкие в литературе имена». С чем связан ваш поступок и жест — поднять их на пьедестал?

— Вы знаете, для меня это даже не жест, потому что я всегда очень высоко ценил Воробьева и очень любил Носова. Просто не поворачивались руки сразу всем дать. Это — естественный ход. Мы считаем совершенно естественным такое сочетание имен.

Пьедестал — не пьедестал, но мы посылаете почтили Константина Воробьева... Случайно это присуждение подошло и к дате Великой Отечественной войны. У нас так все время — то начало войны, то конец. Даты чередуются довольно быстро. Но замысел у нас был давно. Еще при жизни вдовы Воробьева я собирался отдать ему премию. Както не дошло, было другое. Теперь уже пора! Видите, Евгений Иванович Носов уже в возрасте, болеет, а от смерти Константина Воробьева прошло уже 26 лет. Пора, пора.

— Александр Исаевич, появляясь на людях, вы всегда говорите что-то очень существенное и важное, что имеет отношение к происходящему. Как вы сейчас чувствуете время?

— То, что произошло с НТВ, вызывает сожаление: и цепь всех событий, и то, что мы не увидим НТВ в прежнем составе. Хотя, надо, к удивлению, сказать, что две команды начинают справляться. Раз уж заговорили об НТВ, не ограничусь сказать о телевидении вообще, то есть уже не об НТВ. Независимые СМИ... А бываю ли они независимыми, эфирно-газетные средства? Забудьте — средства! Так и употребляется это слово. Они освежают наше восприятие остротой, объемом, продуванием затхлых углов и затхлых завалов в государстве. Однако они полезны до тех

пор и поскольку, пока, во-первых, имеют внутри отечественное управление, а не питаются инструкциями и долларами из-за границы. И во-вторых, — до тех пор и поскольку, они сохраняют ответственность, высокую ответственность, перед своей страной и, что очень важно, перед реальным состоянием народа сегодня. В этом отношении, я должен сказать, что российское телевидение к реальному состоянию народа сегодня большей частью бесчувственно, а иногда — глумливо. Мне пришлось провести в двадцати семи областях до шестидесяти массовых встреч по несколько сот или по тысяче человек. Я не помню ни одной встречи, на которой не раздавались бы громкие возмущенные голоса против телевидения. Выражали презрение к нашему телевидению, выражали гнев, говорили, что оно издевается над нами, не чувствует нашей боли. Эти чувства не воспарялись туда, на высоту Останкинской башни. На высоте Останкинской башни, на соответствующем этаже — уютно, если нет пожара, все — свои, все друг друга понимают и, кажется, работают то, что нужно. Но на самом деле, когда народ в глубоком бедствии, о котором у нас не говорят и не пишут, и боятся говорить, это развлекательство, кувыркачество, эти балаганы телевизионных академиков и множество другого — оскорбительны. Сейчас настав-

ники из Страсбурга объясняют нам — буквально на этих днях! — что свобода слова не просто нужна, но что она самая главная из всех свобод. Вот тут я возражу. Я скажу, что эти в крахмальных воротничках наставники не испытывали по-настоящему жизни. Если бы испытали, они бы поостереглись такого настояния. Я бы предложил сменить окуляр, чтобы видеть не Страсбург и не московский «пятачок», а все глубины России. Что происходит в России? Третья часть населения утопает в нищете, не имеет свободы жизни, не имеет свободы питания, не имеет свободы быть от отравленного воздуха и атмосферы, не имеет свободы иметь потомство, воспитывать детей. Другая третья часть — живет лучше, но в бедности и в бесправии, которое особенно ею чувствуется. Я, знаете, кладу рядом газеты и письма, которые идут ко мне потоком (не говоря уже о том, что слышу на встречах). Это несравнимые вещи! Трудно сказать, какое бесправие у нас в смысле чиновничьего произвола!.. А еще, запомните, есть обреченный миллион. По статистике, каждый год мы должны отдать миллион. Умереть. Так говорит статистика. Причем это не только старики, нет! Это люди, пребывающие часто в цветущем возрасте, пришедшие в отчаяние, в изнурение от жизни. Так вот, для всех для них —

(Окончание на стр. 10)

«ЧЕЧЕНСКИЕ БАНДИТЫ СМЕЮТСЯ НАД НАШИМ СУДОМ...»

(Окончание. Начало на стр. 9)
для первой трети, для второй трети, для миллионна обреченных эти рассуждения, а что у нас сейчас, тревога — заморозки или оттепель, чему сейчас поклоняются, — для них это непонятный щебет. Глубина народной боли такова, что о ней в других терминах говорится, в другой терминологии. Конечно, свобода слова нужна, и почему, я объяснил в первых словах. Но настаивать на том, что она важнее возможности жить, все-таки нельзя...

— Как вы относитесь к происходящему сейчас в Чечне?

— Чечня — не тема для такого вот беглого разговора. Это уже глава нашей истории — глава неоконченная, тяжелая военно-политическая проблема. Много раз казалось, что дело идет к выздоровлению, много раз казалось, что население содействует этому и вместе с администрацией налаживает жизнь. Но потом все эти продолжающиеся смерти, смерти и смерти развешивали это ощущение. О самой Чечне говорить надо долго и много — здесь нужно быть специалистом. Я могу сказать о той волне, которая отдается от Чечни на нас, о той волне террора, которая приходит к нам. Взрываются мощные дома, убивают сразу по сто невинных человек — как в Минеральных Водах на базаре. Хуже того,

те самые изуверы, которые могут отрубать головы пленным, эти изуверы пришли взорвать на кладбище тех, кто хоронит только что умерших. Как нам быть с этим террором? Для нас это — проблема уже внутрироссийская, а не строго чеченская. Справимся ли мы с террором? И тут я скажу немодную вещь. Когда происходит террористический акт, нас заверяют: мол, открыто уголовное дело, где разбираются разные версии. Потонуло дело, потонули версии и мы ничего не узнаем. Наконец, иногда этих террористов берут. Они смеются над нашим судом. Потому, что они знают: смертной казни не будет — мы никак не можем перед Страсбургом быть виноватыми. Сперва будет пожизненное заключение, потом какая-нибудь скидка, какая-нибудь амнистия или побег... Я расскажу неизвестный совершенно эпизод. Отец писателя Набокова, Владимир Дмитриевич Набоков, крупный российский государственный, общественный деятель, поставил своей целью отменить в России смертную казнь (отчасти под влиянием Толстого). Он посвятил двадцать лет своей жизни этой главной цели — с конца XIX века и до сентября 1917 года. Почему все это кончилось в сентябре 17-го? К сентябрю 17-го разлилась вся разляпистая мерзость

Нобелевский лауреат и лауреат премии его имени — Евгений Носов (слева).
Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

февраля, начались убийства без всяких причин, без охранной ненаказуемости. Он пришел в петроградскую городскую думу и третьего сентября произнес речь: «Я двадцать лет боролся за полную отмену смертной казни. Я ошибался. Мы не можем бороться с этим иначе, как смертной казнью. Бывают такие случаи, когда для спасения всего общества, для спасения государства

смертная казнь нужна»... И мы имеем исторический опыт, как Столыпин за полгода моментально прекратил такую же слякоть, такую же мерзость 1905-года смертной казнью. За это его похосовали, презирали, а в России наступил расцвет. Перед нами стоит вопрос: поборем ли мы когда-нибудь террор — вот о чем у нас беспокойство. Ведь никто и нигде не защищен ни на каких

дорогах, ни в каких городах, ни у себя дома, ни на пути — никто не обезопасен. Террор продолжается. Вопрос в том: способны ли мы бороться с террором? Правоохранительные органы наши, конечно, во многом не способны, многое упускают. Но иногда-то есть возможность у них человека присудить к смертной казни! За непомерные преступления. Опять нельзя! Мы должны быть на уровне передовых современных условий. Эти передовые условия диктуют люди, не знавшие серьезных испытаний. Таких испытаний, какие Россия прошла, — Европа не проходила. Она их просто не знает.

— Сейчас Никита Михалков предлагает перенести прах Столыпина из Киева в Саратов, а на Лубянке (бывшей площади Дзержинского) установить памятник Столыпину. Как вы к этой идее относитесь?

— На Столыпина было семь или восемь покушений. Он завещал: похороните меня там, где убьют. По его завещанию он и должен лежать в Киеве. Другое дело, что в февральскую революцию свалили памятник Столыпину под огромное всеобщее ликование, сами не понимая что делали. В Саратове сейчас, к счастью, восстанавливается имя Столыпина. Он многое сделал для Саратова как губернатор.

Столыпин был великий реформатор. Я вообще могу сказать, что он был самый великий государственный деятель России в XX веке. А относительно Лубянской площади, я не знаю, что сказать. С Лубянской площадью много споров. В 1991-м году вообще могло пойти совсем иначе. Сейчас там соловецкий камень в запущенности, почти в насмешке, в пренебрежении...

— Вы сокрушались, что в прежние времена многие писатели не могли пройти через заслон редакторов. Сейчас этого заслона не существует...

— Меня массовый поток сегодняшней литературы корбит.

Мне кажется, в нем нет ответственности перед страной и перед нынешним состоянием народа. Такое впечатление, что многие авторы, захлебываясь, гонятся за славой и за коммерческим успехом. Это какая-то полуса болезни. Здоровые имена появляются, но они почти тонут в этом болезненном потоке. Сам я уже не доживу до того, что это оздоровеет. Но я почти уверен, что здоровье в нашу русскую литературу вернется, что эта болезнь самолюбования, пренебрежения народными страданиями, моральной ответственностью слышит. Она не может быть долговечной — она по недолговечности умрет.